

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ивета
Дайв

СВОБОДНАЯ ГРЕШНИЦА

стыдно.
страшно.
мучительно сладко.

Иветта Харт
Свободная грешница

«Автор»

2025

Харт И.

Свободная грешница / И. Харт — «Автор», 2025

Она думала, что сможет сбежать. Разорвать связь. Забыть. Но бегство не спасает — оно лишь открывает дверь в новую игру. Игру, где правила пишет не разум, а плоть, помнящая его прикосновения. Где желание не гаснет, а разгорается ярче с каждым днём. Она больше не святая. Она — грешница, освобождённая собственным желанием. Женщина, которая заглянула в бездну его души — и не отступила. Которая не бежит от тьмы, а идёт ей навстречу, чувствуя, как та обнимает её, как признаёт своей. Но готов ли мир принять ту, что осмелилась полюбить монстра — и выжить? А главное — готов ли он отпустить её, если однажды она решит уйти навсегда? Вторая часть трилогии.

© Харт И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

↪Глава 1	5
↪Глава 2	9
↪Глава 3	16
↪Глава 4	20
↪Глава 5	24
↪Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Иветта Харт

Свободная грешница

Вторая часть трилогии.

*Свобода – дешёвая иллюзия, когда тело помнит,
кто его истинный хозяин.*

^#Глава 1

«Ты всерьёз думала, что Берлин – спасение?

Наивная.

Это лишь очередная клетка.

С другими прутьями, но всё та же тюрьма».

Я застыла у двери, едва дыша. Сердце колотится, ладони в поту, ноги будто приросли к полу. Рука, словно живая, сама потянулась к замку, пальцы уже ощущали прохладу металла.

Готова была поклясться: это он.

Этот дьявол, что впился в мою кожу своей смертельной хваткой и теперь не даёт мне даже нормально поспать без сексуальных фантазий.

Я распахнула дверь, и мир рухнул. Не в романтическом смысле. А так, будто я ждала десант «Дельта-Форс», а вместо них курьер из ближайшей пиццерии.

– Ты?.. – вырвалось у меня. Глупо. Жалко. Позорно.

На пороге стоял мужчина с коробкой пиццы.

Не тот. Совсем, черт побери, не тот.

Ни чёрной рубашки, расстёгнутой на три пуговицы сверху, ни этих брюк, что так невероятно сексуально на нём сидели, ни безупречных ботинок, ни этих глаз – бездонных, как космос, в которых, казалось, хранится вечность. Не с лицом, похожим на приговор, вынесенный богами похоти и греха.

Вместо этого поношенная куртка, выданная доставкой, под ней мятая жёлтая футболка, сумка через плечо и усталая, почти извиняющаяся улыбка, будто он не продаёт пиццу, а извиняется, что вообще родился. Из головы даже вылетело, что я сама же и заказала пиццу на вечер, пока ехала в такси в новую квартиру.

Но потом я увидела родинку над верхней губой. Большую. В тон кожи. Ту самую, за которую я когда-то боялась зацепиться при поцелуе.

– Ральф... – выдохнула я, и в этом имени – горечь дешёвого вина, которое уже вылили, но оно всё ещё отдаёт кислотой.

Моё сердце не просто упало, оно обрушилось. С глухим ударом, от которого задрожали все внутренние опоры. Как если бы я стояла на краю пропасти, готовая прыгнуть в пожирающий огонь, а вместо этого вдруг оказалась в ледяной воде.

Он проморгался, явно ошарашенный.

– Алиса?.. – спросил так, будто увидел призрака. – Ты здесь... живёшь?

Я не сразу ответила. Только сжала край двери так, что ногти наверняка впились в лакированное дерево, оставляя вмятины.

– А ты где ждал? На Луне? – бросила я, потому что злость – это лучший глушитель стыда.

Парень почесал светлый кучерявый затылок.

– Я работаю курьером по выходным, – пояснил он, неловко переступая с ноги на ногу. – Заказ был рядом...

– Какой трогательный поворот судьбы, – я выдавила из себя почти радушную улыбку. – А в один из вторников женился на Жанне, потому что она тоже оказалась рядом? На той самой, что подталкивала меня к образу холостой жизни и хвалила мои эскизы свободы, а потом, видимо, решила, что мой парень гораздо интереснее?

Он покраснел, а я побледнела от злости и обиды. Мы оба вспомнили его предательство, и это было хуже пощёчины.

– Мы с Жанной... живём в Нойкёльне. Если захочешь – заходи, чайку попьём? Поболтаем? Сто лет не виделись же...

– О, конечно, – держу улыбку на лице лучше, чем любая оборона замка короля. – Давай восстановим утраченное за семь лет абсолютно ничего? Ты расскажешь, как она хороша в постели, а я, как моя подруга подтолкнула меня к чертовой «свободе»?

Он виновато замолчал.

Я тоже, но не от чувства вины. Потому что я уже не та глупая девчонка, что верила в «любовь навсегда» в свои пятнадцать. А та, которая знает: нормальные сны мне будут сниться только после того, как удовлетворю свои несбывшиеся желания с хозяином ада.

– Подумаю, – ответила я, хотя уже знала: никогда и ни за что.

Он кивнул, протянул коробку. Приняла ее только потому, что нужно было что-то сжать в руках, чтобы не ударить его за этот бессовестный пустой взгляд.

Когда Ральф ушёл, я закрыла дверь. Рухнула на пол возле кровати, прижимая горячую коробку к груди, как последний кусок доски в океане. Запах чеснока, перца, расплавленного сыра такой... обыденный. Такой привычный, знакомый. И если бы Ральф был этой самой доской в океане, а Элиан самой стихией, я бы не раздумывая оттолкнула последний шанс на спасение и с удовольствием бы пошла ко дну, в пучину хаоса и тьмы.

И от этого мне стало тошно. Потому что уже не верила в нормальность.

Не хочу быть нормальной.

Я хочу... его.

Того, кто оставил во мне эту жажду – ненасытную, жгучую, неутолимую. Того, мысль о ком не заглушить ни сном, ни едой, ни даже оргазмом, добытым собственными руками в темноте пустой квартиры.

Я открыла коробку. Откусила кусок. Тесто хрустнуло, сыр потянулся, острый соус обжёг язык. И в этот момент телефон завибрировал.

Сообщение от неизвестного номера вспыхнуло на экране:

«Пицца была не слишком острой для тебя? Мне кажется, в этот раз там слишком много халапеньо. Или ты взяла утроенную порцию перчинки специально, чтобы заглушить свою потребность в острых чувствах?»

Я выронила кусок. Он глухо ударился о пол начинкой вниз, оставив масляное пятно. Сердце сперва замерло, остановилось на целую вечность, а потом рвануло вскачь, колотясь о рёбра, как пойманная котом в полемышь.

– Ты следишь за мной?.. – прошептала я, хотя знала, что никто не ответит.

А я всерьёз верила, что смогу убежать. Что Берлин станет моим убежищем, тихой гаванью, где я соберу по кусочкам ту скучную Алису, которая когда-то умела просто рисовать эскизы, стирать ошибки, прятать желания под слоями «надо» и «нельзя». Что смогу восстановить барьер для своих демонов.

Но тело снова собралось предать трезвый рассудок. Ведь оно ясно помнило всё, что творили его руки с ним. Помнило его голос – сексуальный, бархатный, от которого внутри всё жималось, даже не видя говорящего. Его прикосновения – лёгкие, как перо, и в то же время властные, не терпящие возражений. Его власть – незримую, всепроникающую, от которой колени подкашивались. Не как у Лукаса или Кая, а намного, намного выше уровнем. Ему не нужно

было заламывать мне руки или раздевать силой, чтобы дать понять, кто на данный момент хозяин ситуации.

Тело не хотело свободы. Оно жаждало быть нужным ему. И от этого было страшно. Ведь этот человек преследует меня с одной целью – сломать ради своего дьявольского эксперимента, будто я лабораторная мышь. И какие бы первобытные чувства он ни всколыхнул во мне, я не поддаюсь на его чары обаяния. Не хочу закончить, как моя сумасшедшая мать, на том же алтаре, хоть он так отчаянно пытается вернуть меня на него.

Я рванулась в ванную, будто за мной гнались. Дёрнула кран на максимум, вода хлынула обжигающим потоком, заставив вздрогнуть. Срывала одежду резко, почти яростно: футболка полетела в угол, шорты упали к ногам, трусы – следом.

Стояла под струёй, пока кожа не покраснелась, пока жар не стал почти невыносимым. Но даже это не заглушало того пульса. Не возбуждения – нет. Обиды. Горькой, разъедающей.

Руки дрожали, когда я прикоснулась к себе. Сначала с отвращением, будто касалась чего-то грязного, чужого. Потом с отчаянием, с безысходностью, с криком, застрявшим в горле:

«Дай мне забыть тебя! Дай мне уснуть без мыслей о тебе! Дай мне быть нормальной без твоего присутствия в своей жизни!».

Но каждое движение лишь напоминало: нормальной мне уже не быть. Не тогда, когда каждая клеточка тела помнит его. Помнит его глаза, руки, власть, жестокость, ненависть, любовь, всё, что он сеет во мне, словно демон, сажающий цветы в развалинах души. Когда каждая мысль – это эхо его голоса. Когда каждый вздох – это мольба о его внимании.

Потому что я, черт побери, хочу его, даже когда убегаю. Даже когда ненавижу. Даже когда кончаю в душе, мечтая, чтобы он был рядом – не как палач, а как парень, который наконец смилуется и даст мне почувствовать себя нужной.

Вода стекала по лицу, смешиваясь с чем-то горячим и солёным. Я не сразу поняла, что это слёзы. Но тело ответило мгновенно, будто не я им владела, а оно мной. Грудь сжалась, соски затвердели не от воды, а от призрачного прикосновения Элиана. Внутри всё напряглось, набухло от мысли не о Ральфе, не о прошлом, не о чём-то светлом и безопасном. А о нём.

Я кончила тихо, почти беззвучно. Глаза крепко зажмурены, губы прикушены до боли. Лицо мокрое, и не только от водяных струй. Слёзы смешались с каплями, стекающими по щекам, и я не пыталась их стереть. Не было сил. Не было смысла.

А потом стыд. Густой, липкий, как смола, он обволок с головы до ног. Он проникал под кожу, заполнял лёгкие, душил. Потому что это не был оргазм. Не в обычном понимании. Это был крик. Крик моего тела, которое не могло вырваться из его сетей. И, что страшнее, возможно... не хотело вовсе.

Я вышла из душа, дрожа от холода, одиночества и чего-то ещё – от осознания, что всё это бессмысленно. Накинула белый тонкий халат, чувствуя, как ткань липнет к влажной коже. Подошла к зеркалу. Там стояла девушка – с побледневшей от недосыпа и стресса кожей; с припухшими от слёз глазами, пустыми, как выжженная земля; с искусанными губами, дрожащими не от холода, а от невысказанных слов.

Только горькое, беспощадное понимание умещалось в голове: я не убежала. Я просто сменила сцену. А он... Он всё это время был там – мой зритель. Мой судья. Тот, кто следит за каждым моим шагом, за каждым вздохом, за каждой попыткой начать заново. И, возможно... единственный, кто видит во мне не святую девочку, не жертву прошлого, не разбитую архитекторшу, пытающуюся склеить себя по кусочкам.

Я хочу большего. Не каких-то обрывков чувств, не дежурных «я тебя люблю» для галочки, не осторожных полунамёков на близость. Я хочу, чтобы любовь ударила, как молот Тора по врагу. Чтобы всё внутри перевернулось. Чтобы мир перестал быть прежним. Чтобы после этого не было пути назад, потому что назад мне уже не захочется.

Боюсь этих желаний – как огня. Потому что если позволю им вырваться наружу, если дам себе право хотеть хоть чего-то без оглядки, без оправданий, без «а вдруг...», то всё, что я строила годами, рассыплется в пыль. Они пугают своей силой, своей неукротимостью. Я научилась прятать их за вежливыми улыбками, за сдержанными фразами, за маской «хорошей девочки», когда душа ждёт этих самых грязных слов с хриплым придыханием сзади от мужчины мечты.

И за этот пожар я ненавижу себя. За то, что не могу быть просто «нормальной». За то, что мне мало полутонов, мало осторожных шагов, мало «давай не будем спешить». Я хочу всего – сразу. Хочу, чтобы любовь была не только ласковой, целующей волной, а еще и цунами, которое снесет все мои барьеры к чертовой матери. Хочу чувствовать, как земля уходит из-под ног от чьей-то необъятной любви ко мне, как дыхание перехватывает от одного взгляда, как сердце колотится так, что кажется, вот-вот разорвется от чувств.

Я ненавижу себя за эту мерзкую жажду, видимо, доставшуюся от матери. За то, что, подавляя ее, просто не чувствую себя живой. Потому что только в этом безумии я могу дышать свободно. Только когда мои желания выходят из-под контроля, когда перестаю играть роль «разумной», «сдержанной», «воспитанной», только тогда я ощущаю себя настоящей. Только тогда моя душа кричит: «Наконец-то! Я чувствую хоть что-то! Дай мне больше свободы!»

Моя любовь – не тихая гавань. Именно поэтому Ральф остался в прошлом, о котором не хочется вспоминать. Как бы он ни был на тот момент неплох в постели, в повседневной жизни он был скучным червем, что зубрил учебники и не обращал на меня внимания.

Моя любовь – это прыжок в пропасть. Это риск потерять всё ради одного момента, когда я смогу сказать: «Это стоило того, черт побери». И если однажды я встречу того, кто примет этот огонь всерьез, кто не испугается моего пламени, кто сам захочет гореть рядом со мной – тогда я перестану бояться. Тогда я наконец смогу быть собой.

И, кажется, я знаю такого человека...

Только для него я ритуальное блюдо для его отца.

Я выключила свет. Тьма накрыла однокомнатную квартиру, как тяжёлое объятие великана. Легла в постель, натянула одеяло до подбородка, но тепло не приходило. Только тишина – густая, звенящая, наполненная несбывшимися мечтами о душе дьявола...

И это лишний раз било прямо в грудь, ведь я не ушла... Просто жду, когда он придет и заберет обратно. Потому что без него – серая пустота. А с ним – хотя бы ад, но полыхающий эмоциями.

#Глава 2

Утро в Берлине накрыло унынием, как мокрое одеяло с запахом прошлой ночи – серое, вялое, без намёка на «новое начало».

Тусклый свет царапался сквозь жалюзи, рисуя на деревянном полу полосы, будто кто-то пытался нарисовать мой будущий график счастья: «Понедельник – попытка начать новую жизнь. Вторник – паника. Среда – ложное чувство контроля. Четверг – принятие безысходности. Пятница – одинокая пьяная развратница. Суббота – депрессия. Воскресенье – тоска». Завидные деньки выходят, когда тебе дают выбор: хоть прыгай в пропасть, хоть вешайся на люстре.

Я уснула с твёрдой, почти святой мыслью:

«Всё кончено. Больше никаких игр. Никаких «не беги, ты уже моя». Никаких Элианов с их бархатными голосами и руками, которые умеют выжать из тебя весь кислород, не прикасаясь к горлу. Я одна. Наконец-то. И это победа».

И вот утро.

И та самая «победа» – как остывший кофе в чужом стакане: пустая, горькая, с осадком сожаления.

Вчера... Когда в дверь позвонили, мое сердце не просто заколотилось – оно приступом штурмовало грудную клетку, будто хотело вырваться и бежать к нему первым. Тело – наглая предательница – уже распалось: кожа – в мурашках, грудь – заныла, как будто услышала его размеренные шаги за стеной, а между ног – чертова влажность, будто я только что кончила от его рук, а не просто забирала пиццу.

Но за дверью – Ральф.

Не Элиан. Не чёрная тень моего желания с глазами-бездной.

А мой бывший. Моя «ненормальная» жизнь. Мой первый и последний «неправильный» секс – тот самый, после которого я лежала в темноте и шептала себе: *«Больше никогда. Это позор».* И вот он – в поношенной футболке, с пиццей в руках и женой по имени Жанна, которая, судя по всему, не против делить мужа на двоих, если уж он решил пригласить бывшую в гости.

«Заходи, чайку попьём? Поболтаем? Сто лет не виделись же!» – говорит он так беззаботно, будто между нами не семь лет невысказанных слов, не семь лет молчания и не та моя первая ночь с парнем в Лиссабоне, когда я впервые поняла: обычный секс – это как смотреть мультфильмы после «Игры престолов». Без криков. Без приятной боли. Без того, чтобы дыхание перехватывало от одного шлепка по разгорячённой плоти.

Он ушёл. И что самое унижительное: я осталась не облегчённой, а обманутой. Потому что я ждала его. Элиана.

– Ты дура, Алиса! – шипела я на себя вслух. – Ты сбежала, чтобы начать новую жизнь, а вместо этого ждёшь, когда этот маньяк с распалёнными углями в глазах пришлёт тебе новую инструкцию по разрушению!

А ведь он не любит меня.

Он не хочет меня.

Для него я – не девушка, не личность, не человек даже. Я – материал. Объект грёбаного эксперимента. Шахматная фигура в игре, правила которой мне не дано знать до конца. Он хочет доказать отцу, что я выдержала бы больше, чем моя мать, зачем-то там. Что я – не она. Что я способна вынести то, от чего она сломалась.

Я села на край кровати, обхватила колени и выругалась так, что соседи, наверное, подумали: *«Новая жительница – бывший морпех».*

Но, чёрт побери... Тело не слушает разум.

Оно помнит всё: как его пальцы находили клитор точнее GPS; как его хриплый голос в ухо сводил меня с ума: *«Ты моя. Даже когда сопротивляешься»*; как он велел не трогать меня три дня, и я мастурбировала в ванной, стыдясь, но не останавливаясь; как в кабинете он заставил меня кончить, просто глядя на меня, и сказал: *«Ты даже не представляешь, насколько ты зависима»*. И самое страшное – я помнила, как подчинялась. Как тело отзывалось на его приказы раньше, чем сознание успевало возразить. Как я... хотела подчиниться. Но только ему. Почему? Без понятия.

Руки дрожали. Я сжала их крепче, впиваясь ногтями в кожу, пытаюсь болью прогнать эти воспоминания. Но они не уходили. Они пульсировали в такт сердцебиению, проникали в каждую клетку, превращая меня в заложницу собственного тела.

«Это не я», – шептала я себе.

Я встала, натянула белую рубашку и джинсы – такие скучные, что даже манекен в магазине бы зевнул. Ничего соблазнительного. Ничего, что привлекло бы чужой взгляд. Я хотела стать невидимкой. Хотела втиснуться в кожу «нормальной» женщины, которой можно ходить по улицам, не опасаясь, что кто-то прочтёт в моих глазах историю моих падений.

На улице Берлин дышал прохладой и безразличием. Сентябрьский воздух ударил в лицо – резкий, отрезвляющий, настоящий. Город был чужим. И в этом заключалась его благодать. Здесь никто не знал, что я стояла на коленях в комнате № 9, срывающимся голосом умоляя: *«Сделайте со мной всё»*. Что я кончала в лифте, прижимая ладонь к стеклу, пока позади мелькали этажи. Что меня использовали в бассейне – на глазах у десятка равнодушных силуэтов за тонированными стёклами. Здесь мои шрамы были невидимы. Мои стоны не записаны в фонотеках чужих воспоминаний.

Мимо спешили люди: студент с дымящимся стаканом кофе, пожилая пара с собакой, курьер на велосипеде. Они не смотрели на меня. Не ждали от меня ничего. И от этого я почти... дышала. Но где-то в глубине, под слоями «нормальности», пульсировало: *«Он где-то рядом, наблюдает. Выжидает, чтобы напасть»*.

Я оглянулась. Сердце подпрыгнуло, как испуганная белка. Там всего лишь мелькнула тень от машины. Сжала кулаки в карманах кожаной куртки. Чёртова тревога, почему она не осталась в Лиссабоне?

И тут ветер ударил в спину, как насмешка, как его ладонь, тихо напоминающая:

«Ты уже моя, Алиса Морелли. Просто ещё не подписала новый договор».

— — — — —

— — — — —

Я катила тележку по строительному магазину, как будто в ней лежала не краска и список для продуктового магазина, а моя последняя надежда на «нормальную» жизнь.

Бежевая – не слишком тёплая, не слишком холодная. Нейтральная, как мои намерения: *«Я просто хочу быть как все. Тихо. Скромно. Без оргазмов в секс-клубе»*.

Но, чёрт возьми, здесь даже валик выглядел слишком сексуально: щетина жёсткая, прямая, будто только и ждёт, чтобы я провела ею по своей коже и вспомнила, как его пальцы царапали меня в его кабинете.

И вдруг – холодок по спине. Резкий, как сквозняк из приоткрытой двери в подвал.

«Они и сейчас за мной следят? Или это просто паранойя – мой личный призрак, который ходит за мной по пятам?»

Я резко обернулась. Сердце в горле. Спина охвачена ледяным потом. Между ног проклятое, знакомое щемление, будто тело уже знает, что Элиан где-то рядом. От предчувствия, от знания, что в любой момент... за спиной раздастся этот голос с лёгкой усмешкой:

«Ты такая мокрая. Прямо здесь хочешь, чтобы я тебя трахнул?»

Я мотнула головой. Взгляд скользнул по магазину: пожилая дама с лампочками слишком увлечена «экономией на светодиодах», чтобы шпионить; консультант спит на ходу, судя по ритму его моющей тряпки в руке; молодая пара у акриловой краски целуются, как будто миру конец и у них есть только пять минут.

Никого подозрительного.

Только я – психозная бывшая клиентка эротического клуба, которая дрожит от мысли, что Элиан может видеть, как она выбирает валик для ремонта съемной квартиры.

– Боже, Алиса, – проворчала тихо я, – заведи кота. Или пусть тебя заберут в психушку на принудительное лечение...

Я швырнула валик в тележку – громко, вызываясь, будто бросаю перчатку самой себе. Двинулась к кассе, стараясь идти ровно, не спеша, как обычный человек, который просто покупает чертову краску.

Но каждый шаг отдавался в голове новыми мыслями: да, я схожу с ума. Но если я действительно сошла с ума, то это его вина. Потому что я не хотела этого. Я хотела свою скучную архитектуру, кофе с молоком по утрам и заботливого парня, который спрашивает: «*Как твой день, малышка?*», а не: «*Ты хочешь меня, детка?*».

Я купила светлую краску на смену той ярко-оранжевой, что сейчас была на стенах квартиры. Кисти несколько штук. Липкую ленту. Всё то, что должно было стать инструментом перерождения: стереть прошлое, замазать трещины души под ровным слоем спокойствия. А потом отправилась в продуктовый – глушить тревожность, душить пугающее влечение к тьме. Будто можно утопить хаос в бутылке вина. Но ведь попытка не пытка?

В продуктивном я выбрала бутылку вслепую, не глядя на этикетку, потому что всё, что напоминает мне о нём – враг. Но, конечно, судьба – или его проклятие – подсунула вишнёво-дубовое красное, то самое, что пахло его одеколоном в клубе.

– Серьёзно?! – я чуть не выругалась вслух. – Даже вино против меня?!

Я купила его, судя по тому, что превращаюсь в мазохистку. Потому что знаю: если я не выпью это сегодня – буду мечтать о нём ночью. А если выпью, то хотя бы буду страдать осознанно.

Решила выйти и пройтись по торговому центру. Вокруг суетная жизнь: люди с пакетами, дети скачут у фонтана, а я хожу, как привидение, ищу, куда бы спрятаться от собственных мыслей.

Воздух пропитан удушающим миксом парфюма и попкорна. Последний запах и притянул меня на третий этаж – к кинотеатру. Интересно, что здесь в прокате.

Увидела афишу:

«Жажда быть разрушенной»

Эротический артхаус. 18+

И рассмеялась – горько, без радости, почти истерически.

– О, конечно! – шепнула я про себя. – Почему бы не посмотреть фильм, где героиня делает ровно то, чего я боюсь признать: хочет, чтобы ею были одержимы?

Я купила билет. Не потому что был интересен фильм. А потому что я знала: он бы заставил меня смотреть это. И, черт побери, часть меня хотела именно этого.

Я села на предпоследнем ряду – подальше от любопытных взглядов, подальше от любых попыток заговорить. Места здесь были полупустые: поздний сеанс, будний день, фильм не из громких премьер. Именно то, что нужно. Достала из сумки бутылку, уже почти полупустую. Каждый глоток обжигал горло, но не согревал. Только поддерживал это странное, горькое состояние невесомости.

В зале погас свет. На экране вспыхнули первые кадры.

Роскошный зал для приёмов, залитый мягким светом хрустальных люстр. Столы, накрытые белоснежными скатертями, бокалы с шампанским, сдержанный гул разговоров. Офици-

альный ужин в крупной компании – всё как положено: безупречные костюмы, дорогие украшения, вежливые улыбки, за которыми прячутся амбиции и тайны. Камера медленно скользит по залу, выхватывая детали: дрожащие блики на серебре приборов, лёгкое колыхание шёлковых платьев, напряжённые взгляды, которыми обмениваются гости.

И вдруг – она. Женщина в изумрудном платье до колена, с глубоким V-образным вырезом. Ткань переливается при каждом движении, подчёркивая линию плеч, изгиб талии. Она стоит у высокого окна, спиной к залу, глядя на огни города. В её позе не просто грация, а вызов. Не показная дерзость, а тихая уверенность человека, который знает цену себе и своим желаниям. Чётко очерченный подбородок, длинные ресницы, чуть приоткрытые алые губы, шикарные русые волосы, скатывающиеся волнами по спине. В глазах борьба. Что-то рвётся наружу, но она держит это внутри, как держат дыхание перед прыжком в воду.

И тут – он. Мужчина в идеально сшитом чёрном костюме. Без галстука, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. Он подходит бесшумно, обхватывает её за талию, прижимает к себе спиной. Его губы касаются её тонкой шеи, сначала едва ощутимо, потом с нажимом, оставляя след, который никто не увидит, но который она будет чувствовать весь вечер.

– Ты моя, Лорелли Хангер, – шепчет он низко, а у меня бегут мурашки. – Не смей врать себе, что не испытываешь ко мне ничего. В твоих глазах я вижу совсем другое.

Она не отвечает. Только ресницы дрожат, а пальцы сжимают край подоконника. В этом молчании целая буря: отрицание, страх, желание. Всё смешалось, как вино в моей бутылке: терпкое, пьянящее, опасное.

Я сделала ещё глоток. Стекло бутылки холодило ладонь, а внутри разгорался огонь. Я знала это чувство. Это желание быть желанной, но не как вещь, а как девушка. Это страх признаться себе, что ты уже сдалась, хотя ещё пытаешься держаться за иллюзию контроля.

На экране Лорелли наконец поворачивается к нему. Их взгляды встречаются, и в этом мгновении больше страсти, чем во всех поцелуях мира. Она не говорит «да». Но и не говорит «нет». Она просто смотрит, и этого достаточно.

А я сижу в темноте, с пустой бутылкой в руке, и понимаю: мы обе играем в одну игру. Игру, где правила для добровольной сдачи в плен известны только нам. Где каждое «нет» на самом деле означает *«ещё немного, ещё чуть-чуть, ещё один шаг к краю и...»*.

Я сделала глоток. И тогда – голос:

– Пришла удовлетворить визуальную потребность?

Его голос. Элиана... Я точно сошла с ума...

Мужская рука сжала спинку моего сидения до кожаного скрипа над ухом. Я не обернулась. Но тело ответило мгновенно – без воли, без сопротивления, как провод под напряжением. Фильм продолжался, но я уже не видела экрана. Я чувствовала: грудь напряглась, соски затвердели, будто от зимнего ветра. Клитор пульсировал – остро, настойчиво. Между ног – влажность, густая, как расплавленный воск из той комнаты, капающий на кожу.

– А теперь сделай то, что я скажу, – прошептал он, приблизившись сзади так бесшумно, что я даже не успела осознать, как оказалась в его власти.

Его дыхание буквально обожгло шею – точно так же, как героине фильма на экране, когда мужчина прижимал её к окну. Я почувствовала, как по позвоночнику прокатилась волна мурашек, а внизу живота завязался тугой узел предвкушения.

– Пальцы на клитор. Медленно. И не смей кончать, пока я не разрешу, – его голос звучал приглушённо, но каждое слово било точно в цель, проникало под кожу, подчиняло.

И я подчинилась. Не потому, что побоялась, не потому, что была обязана, а потому, что не могла иначе. Потому что всё это время – каждый шаг, каждый вдох, каждая попытка сбежать – было лишь долгим, мучительным ожиданием этого момента. Момента, когда он снова возьмёт меня в свои руки. В свой плен. В свою игру.

Расстегнув джинсы, я скользнула рукой в трусики. Его пальцы – пока лишь в моём воображении – двигались в такт тому, что происходило на экране. Я чувствовала их так отчётливо, будто они были реальны: прохладные, уверенные, властные. Будто он действительно сидел рядом, направляя каждое движение, контролируя каждый импульс моего тела.

Экран мерцал, отражая свет проектора. Лорелли Хангер на экране выгнулась в руках мужчины, её стон разорвал тишину зала. Когда женщина на экране обессиленно прижалась к мужчине, я почувствовала, как моё тело откликается на эту сцену – не как зритель, а как участница. Моё сердце билось в унисон с её пульсом, мои пальцы двигались в том же ритме, который Элиан задавал своим шёпотом.

– Медленнее, еще не время. – Не знаю, как он почувствовал, что я ускорила, но темп сбавила. Спиной я буквально ощутила его легкую улыбку. – Послушная девочка, продолжай.

Дыхание участилось, стало прерывистым, рваным. Я пыталась сосредоточиться на фильме, на мерцании экрана, на звуках зала, но всё растворялось в ощущении между ног, его голоса, его запаха. Он не касался меня физически там, но этого чертовски хотелось. В темноте зала я закрыла глаза, позволяя себе погрузиться в этот момент – момент абсолютного подчинения, которое на самом деле было высшей формой свободы.

– Хорошо, можно, – он слегка прикусил меня за щеку. – Кончай. Сейчас.

Я прорыдала от приближающегося удовольствия, почти не сдерживаясь. В тот же миг Элиан прикрыл мне рот ладонью – не грубо, но властно, с той безупречной точностью, которая говорила: *«Ты моя. Сейчас и навсегда»*. Ощутила вкус его кожи на губах – терпкий, знакомый уже до боли. Этот вкус пробудил лавину воспоминаний: его прикосновения в клубе, его шёпот, его взгляд, прожигающий насквозь. Всё смешалось в единый поток, от которого кружилась голова и подкашивались колени даже сидя.

Это был мой единственный случай, когда оргазм наступил по воле другого, но такой, что тело будто током ударило. Ноги сводило ноющей болью, грудь горела, а голова кружилась так, что перед глазами было просто светящееся пятно экрана. Он убрал ладонь с моего рта, но я продолжала молчать. Слова здесь не нужны. Всё было сказано в этом прикосновении, в этом приказе, в этой игре, где я добровольно сдалась, не сопротивляясь даже, и он это понял.

– Ты наказана за побег, лиса, – прошептал Элиан уже холоднее. – Я не трону тебя, пока сама не запрыгнешь на меня.

Потом он ушёл. Оставил меня одну – дрожащую, пылающую, разорванную между стыдом и желанием. Между ненавистью и жадой. Тело кричало, умоляло, требовало. А разум... разум молчал.

— — —

— — —

Я вышла из торгового центра, как будто у меня в кармане не телефон, а бомба с обратным отсчётом на «последнее приличие». Цеплялась за шершавую стену не из слабости, а потому что, если я упаду здесь, завтра в «*Berliner Zeitung*» будет статья: *«Сбежавшая женщина из Лиссабона кончала в кинотеатре и упала в обморок от оргазма, которого так и не дали в полную меру»*.

Да, я была пьяна. Да, я была растеряна. И да, я была мокрая, как будто только что вышла из бассейна, а не из фильма про «разрушенных женщин». Но не от дождя. Не от пота. А от желания, которое не утолить, даже если мастурбировать в душе три раза подряд, как делала последние дни.

Хуже всего? Я не хотела Элиана. Я хотела, чтобы он вернулся и дал мне то, что отнял – завершение. И это – максимальный сексуальный провал для женщины, которая мечтала о «нормальной жизни».

– Ладно, Алиса, – прошептала я себе, – раз уж ты не вышла за умника-архитектора, не родила двух детишек и не живёшь в доме с красивым забором, может, просто пойдёшь домой и перестанешь быть дешёвой драмой?

Но тело предательски уже мечтало о его руке на моём бедре, о его голосе в темноте: *«Ты такая возбужденная. Даже когда ненавидишь»*. И эта мерзкая мысль, скользкая, предательская, но такая соблазнительная в своей простоте: *«А что, если попробовать с кем-то другим? Просто... чтобы забыться?»*

Нет, нужно домой.

Нет.

Нет, нет, нет.

Я – не моя мать.

Я – не клиентка его проклятого клуба.

Ноги дрожали. Мозг – мутный от вина, готовый на отчаянные поступки. Я быстро подошла к дороге, чтобы поймать такси, как будто спасалась от пожара, а не от самой себя. Машина остановилась у тротуара – чёрная, обычная, с помятым салоном и запахом ароматизатора, застрявшим между сиденьями. Я села, не глядя, – рухнула на заднее сиденье, как мешок с кирпичами, полный стыда и тоски.

И тогда:

– Алиса!

Голос. Знакомый. Тёплый. Без власти. Без этого его тембра, от которого внутри всё сжимается, будто я – мышь, а он – кошка, которая решила поиграть перед смертью.

Я подняла глаза. За рулём – Ральф. Рядом – Жанна. Его жена, наша общая однокурсница из университета. Та самая, с которой я пила на свадьбе общего друга два года назад. Помню, она рассматривала мои эскизы в телефоне, улыбалась и говорила: *«Ты как архитектор с тридцатилетним стажем, так всё чётко и ничего лишнего»*. В её глазах тогда не было ни тени сарказма, ни лжи – только искренний интерес. Но слова её ударили не слабо, выбив воздух из лёгких. Смогла лишь натянуть парадную улыбку, пока внутри душили слёзы.

Моя прошлая жизнь сейчас в одном автомобиле. Хотела сказать: *«Оставьте меня в покое, я – сексуально неуравновешенная беглянка с зависимостью от психопата»*. Но вместо этого прошептала адрес не потому, что хотела помощи, а потому что боялась упасть в лужу и стать мемом в TikTok.

Машина тронулась, когда я назвала адрес. Прижалась к холодному стеклу, чувствуя, как по спине под джинсовкой стекает капля пота. Ральф что-то говорил о погоде, о пробках, о планах на выходные. Жанна кивала, время от времени оборачиваясь ко мне с мягкой улыбкой. А я сидела, сжавшись в комок, и думала:

«А я мечтаю о его руке на моём бедре. О его голосе в темноте. О его «нельзя», которое звучит как «можно, если рискнешь»».

«Такси» несло сквозь поздний вечер, а я закрывала глаза и видела Элиана. Видела, как он едва улыбается – не мне, а моей слабости перед ним. Слышала, как шепчет, будто из фильма: *«Ты моя. Даже не отрицай этого»*.

– Ты же одна в Берлине... – начали они почти одновременно, и в этом дуэте не было ни тени издёвки, ни намёка на осуждение – только странное, почти материнское сочувствие, от которого захотелось разрыдаться.

Ребята пригласили меня к себе. Я знала, что не должна идти. Но вино плескалось в голове, размывая границы. Усталость тянула веки вниз. И я сдалась. Их квартира пахла цитрусами, ванилью и счастьем людей, которые никогда не слышали слова «вибратор» в приказе.

На стенах – семейные фото.

На полках – детские книги.

На стеклянном столе – чай в фарфоре и сыр на деревянной доске, как в тех самых «нормальных» жизнях, к которым я так отчаянно рвалась в последнее время.

– Чай? Или винца? – спросила Жанна, уже разливая белое.

– Жанна накроет на стол, – добавил Ральф, вешая мою куртку с той домашней небрежностью, которая убивает сильнее плети.

Жанна налила белое вино в бокал, не торопясь, с тем особым вниманием, которое превращает простое действие в акт заботы. Ральф подвинул тарелку с сыром, орехами, дольками яблока, будто готовил не перекус, а маленькую симфонию вкусов.

Я пила. Ела. Говорила о Лиссабоне, о работе, о выставке, на которую «обязательно схожу». Слова лились легко, как будто я репетировала роль «счастливой подруги» всю свою жизнь.

Но внутри...

Внутри я кричала: *«Я хочу этого дьявола! Хочу, чтобы он вошёл и сказал: «Ты кончишь, когда я разрешу, потому что ты моя». Я хочу, чтобы он снова владел моим телом без спроса, ведь разрешение уже было негласное. Потому что без этого я – не я. Я – пустая оболочка женщины, которая боится своего собственного желания».*

Жанна улыбалась, рассказывая об их ребенке. Ральф наливал вино, мило кивая жене. А я сжала бедро так, что ногти впились в кожу – пытаюсь заглушить пульсацию между ног, которая не стыдилась, не боялась, а просто требовала.

И тогда – его голос в голове, будто он стоял за спиной:

«Ты думаешь, это поможет? Думаешь, дешёвое вино и пустые разговоры заглушат то, что принадлежит мне?»

Я сделала ещё глоток, пытаюсь унять дрожь в пальцах. А тело уже шептало в ответ: «Он прав. Ничего не поможет». Почти улыбнулась. Потому что он был прав. Ничто не поможет. Ни уют. Ни «нормальные» люди. Ни даже попытка стать «святой» снова. Потому что я уже не святая. Я – грешница, которая выбрала монстра.

И если он сейчас войдёт – я не скажу «нет».

Я скажу: *«Наконец-то, чёрт возьми».*

Глава 3

Я не помнила, как оказалась в их спальне.

Все размылось, как дешёвый макияж под душем. Помню только, что собралась уходить, но ноги подкосились, и Ральф подхватил меня под локоть – осторожно, будто я была из тонкого фарфора. И голос Жанны, тёплый, обволакивающий:

– Ты такая уставшая... Бедняжка... – прошептала она с заботой, почти болезненной в своей искренности.

Я попыталась тогда сказать, что лучше поеду домой. Губы шевелились, но язык будто замазан мёдом, и все слова остались внутри, толкались, как крысы в клетке, но не могли вырваться.

Голова пульсировала, будто кто-то пытался выбить мозг молотком через виски. Каждый удар отдавался в затылке, в глазах, в кончиках пальцев. Мир вращался медленно, неумолимо, как карусель, с которой невозможно сойти. Я не могла встать. Даже пошевелиться. Только лежать. Только смотреть в плывущий потолок – белый, с трещиной, как в моей берлинской квартире. Я поймала себя на том, что слежу за ней, будто это – единственная реальность, за которую можно уцепиться.

Сейчас в комнате было тихо. Слишком тихо. Только моё дыхание, рваное, неритмичное, нарушало эту тишину. Я пыталась сосредоточиться на звуках из соседней комнаты: приглушённые голоса, звон посуды, щелчок чайника. Обыденные звуки, от которых тревога начала угасать.

Я закрыла глаза. И, видимо, задремала. А потом – сквозь шум в ушах – я услышала чьи-то приближающиеся шаги по скрипучему полу. Потом руки.

Это была Жанна. Я поняла, что это она, по нежной коже. Её пальцы почти заботливо коснулись моей разгорячённой от алкоголя щеки.

– Ты такая напряжённая... Расслабься, Алиса, мы не причиним тебе вреда.

Прозвучало так, будто она – сестра милосердия, а не жена-компаньонка в поисках подвернувшегося триолизма. Я хотела сказать: *«Отвали. Я не твоя благотворительная подопечная»* и попыталась отстраниться. Мысленно – отчаянно, яростно. Но тело не отреагировало. Оно будто стало чужим, отключённым, парализованным алкоголем и усталостью. Остались только три вещи: судорожное дыхание; глухой пульс, настойчивый, как барабан в ушах; тошнота, временами подкатывающая к горлу.

Когда я поняла, что они действительно задумали повернуть, было поздно, Ральф уже сел на край кровати возле меня. Пальцы коснулись верхней пуговицы моей блузки, медленное, почти нежное прикосновение.

– Ты же не против? – спросил он, как бывший, который знает: она пьяная, слабая, и сегодня – его шанс из прошлого.

Вопрос прозвучал не как запрос на согласие, а как формальность. Как дань вежливости, которую можно и проигнорировать. И я почти рассмеялась, мысленно проклиная его.

«О, конечно! Я мечтала об этом с тех пор, как ты бросил меня семь лет назад! Да, давай заново! Только на этот раз – втроём, чтобы я почувствовала себя по-настоящему униженной и использованной!»

Но я промолчала. Потому что тело не слушалось. Потому что стыд уже сжёг все мосты. Потому что где-то внутри я ненавидела себя настолько, что готова была дать им то, что они хотели, просто чтобы перестать существовать. Надеюсь, они просто избавятся от меня после того, как закончат начатое.

Вторая пуговица. Третья. Ткань распахнулась, обнажив грудь под тонким бюстгалтером. Эти действия заставили соски затвердеть. Не от желания, а от внезапного стыда, от осознания собственной уязвимости.

Я закрыла глаза, потому что планета стала раскачиваться быстрее, видимо, только для меня. Но даже в темноте я чувствовала их взгляды на себе. Не хищные, не жадные, а... изучающие. Сочувствующие. Это было хуже. Потому что сочувствие означало, что они видят меня насквозь – мою слабость, мою беспомощность, мою разбитость.

Жанна наклонилась ближе. Её ладонь легла на мой лоб, затем погладила по волосам, как мать, убаюкивающая больного ребёнка.

– Всё хорошо, – прошептала она. – Просто отпусти...

«Отпусти» – простое слово, которое должно было освободить меня. Но от чего? От страха? От стыда? Или от мыслей о том, что они вдвоем собираются взять меня насильно?

А потом... Потом я почувствовала, как ладонь Ральфа скользнула по моей шее, вниз к ключицам, к груди. Прикосновение было осторожным, почти робким, но в нём читалась скрытая настойчивость, как у человека, который знает, что получит желаемое в любом случае.

Я сжала кулаки, пытаюсь найти хоть каплю силы, хоть искру сопротивления. Но всё, что у меня осталось, – это мысли. И этот бесконечный, мучительный стыд. Стало мерзко. Сил не было. Ни на крик. Ни на удар. Ни даже на поворот головы.

– Ты возбужденная, – сказала Жанна, и её ладонь прошла по моему бедру.

Я дёрнулась инстинктивно.

– Нет... – выдохнула я, но голос был слабым и почти неразборчивым.

Пальцы парня коснулись груди – не грубо, но без спроса. Я задрожала. Не от удовольствия. От предательства собственного тела, которое отозвалось: набухло, затвердело, будто ждало этого касания все гребанные семь лет.

– Ты же хочешь, – прошептал он. – Не сопротивляйся, тогда будет приятнее. Мы с женой давно хотели попробовать что-то новое в сексе...

– Нет... – повторила я, и слёзы потекли по вискам. Слово «пожалуйста» так и осталось неозвученным. Ведь никто не слушал. Как будто я не человек, а дешевая кукла из секонд-хэнда, которую можно раздеть, использовать и поставить обратно.

Жанна опустила на колени у кровати. Её руки стянули мои джинсы. Потом трусы. Медленно. Почти бережно, что вызывало новый позыв тошноты.

– Она такая красивая... – с восхищением сказала Жанна. В её голосе не было похоти, только чистое, почти детское удивление перед чем-то хрупким и редким.

И тогда её рот коснулся моего живота. Лёгкое, как пёрышко, прикосновение, а следом тихое дыхание, от которого по коже побежали мерзкие мурашки. Я закрыла глаза. Пыталась уйти в себя, спрятаться за веками, найти хоть клочок пространства, где нет их рук, их голосов. Хоть отключиться на это время. Но мозг не собирался этого делать.

А тело горело... Оно отвечало... На физическом уровне оно уже сдалось.

Ральф раздвинул мои ноги, как будто это было его законное право. Как будто я уже давно согласилась, просто ещё не осознала. Жанна опустила голову ниже. Её слегка неуверенный язык коснулся клитора.

Я тут же всхлипнула. Не от наслаждения, а от шока. От внезапного осознания: никто, кроме тех двоих из клуба, никогда не касался меня так. Не было ни прелюдий, ни робких прикосновений, ни вопросов, только решительное, безоговорочное вторжение в моё тело, в мою личную вселенную. Как делают сейчас эти двое – просто использовали момент, как туристы, желающие попробовать экзотики, не зная, что это – не еда, а яд.

Жанна не просила разрешения. Она брала, как и Лукас, и Кай. Как будто имела право. Как будто я уже принадлежала им: не по обязательству, не по любви, а по какому-то их семейному договору дурных фетишистов.

Ральф тем временем поднял мою руку и заставил коснуться его члена.

– Потрогай, – приказал он, и в его голосе не было ни просьбы, ни мольбы – только твёрдая уверенность в том, что я подчинюсь.

Я попыталась сомкнуть пальцы в кулак. Но он сжал моё запястье – не сильно больно, но так, что сопротивляться просто смешно, – и водил моей рукой вверх-вниз.

«Идиотка, Алиса! Ты сбежала от монстра, чтобы попасть в руки к похотливым клоунам!»

Я чувствовала его твёрдость, его жар, его напор, а во рту была нестерпимая горечь. Он не просил, а обучал, показывал, как надо, как правильно, как хочется именно ему. Мне хотелось любыми способами оторвать от него руку, хоть отрезать ее, но удача мне так не подвернется.

Жанна вошла во вкус. Её пальцы из неуверенных быстро переросли в точные, уверенные, знающие. Она не спрашивала: *«Тебе нравится?»*. Она говорила: *«Ты уже потекла. Значит, хочешь»*.

– Кончи же, – прошептала она, продолжая ласкать меня языком то вверх-вниз, то по кругу. Её голос звучал где-то внизу, но проникал в самое сознание, как отрава, медленно растекающаяся по венам, пока перед глазами плясал их потолок.

– Не надо, пожалуйста... – вырвалось у меня, но слова прозвучали жалко, неубедительно.

– Ты уже кончаешь, – причмокнула, и в её голосе прозвучало удовлетворение, почти торжество.

И правда – внутри всё сжалось, как пружина, готовое взорваться, даже если разум кричал: *«Нет!»*. Я не хотела. Но тело не слушало. Оно просто отзывалось на чужие прикосновения, как инструмент на руки мастера. Я кончила тихо, с болезненным стоном, похожим на плач, с закрытыми глазами и стиснутыми зубами. Слезы текли по щекам не от удовольствия от оргазма, а от стыда. От осознания, что моё тело способно на такое без моего согласия, без моей воли.

Вот и всё.

Я больше не святая. Я даже не жертва. Я дешёвая шлюха, которая кончает даже тогда, когда её используют.

После этого Ральф тут же поднял меня и посадил на себя, как будто я – секс-кукла из магазина, а не женщина с именем, прошлым и правом на «нет».

Я не могла удержаться. Мои руки соскользнули с его плеч, как мокрые листья с веток в шторм, а тело было ватным. Он вошёл членом резко, без подготовки – больно, без смазки, без капли уважения. Это не было даже страстью. Лишь осуществление его больших желаний.

– Держись, – сказал он, обхватывая меня за талию, но в его голосе не было заботы – только гнусное требование.

Но я не могла. Я проваливалась в чёрную яму, где не было «я», не было «нет», не было ничего, кроме тела, которое позволяло делать с ним что угодно. Где-то на краю сознания билась мысль: *«Нет... Это не со мной»*, но она тонула в ритме его грубых движений, в жесткости его рук на моих бедрах, в запахе кожи и пота, от чего тошнило лишь сильнее.

Жанна встала за мной. Её мягкая, тёплая, большая грудь прижалась к моей спине. А руки скользили по моей груди, по животу, по шее, как будто она лепила из меня новую женщину – послушную, податливую, лишённую воли. Она целовала меня, пока Ральф двигался внутри – глубоко, ритмично, без жалости.

– Ты такая горячая... – шептала она. – Почему ты притворяешься, что тебе не нравится? У тебя был секс втроём хоть раз? Сомневаюсь, так наслаждайся моментом.

«Да, конечно! Потому что я – твой бесплатный секс-объект на вечер!»

Я не отвечала. Как будто Алиса умерла, и осталась только оболочка, которую используют. Только тело, которое знает только одно: подчиняться.

Ральф кинул меня на спину, резко, без предупреждения. Движение было чётким, почти механическим, как будто он давно знал, что и как будет делать. Жанна раздвинула мои ноги. Не робко, не с вопросом во взгляде, а уверенно, будто выполняла давно продуманный план. Он вошёл снова уже сильнее, ещё жёстче. Каждый толчок отдавался в теле, как удар молота. Его таз бился о мои бёдра, оставляя синяки, сейчас ещё незримые, но ощутимые, как метки, подтверждающие реальность происходящего.

Я смотрела в потолок. Не моргая. Не дыша. Лишь слезы стекали уже по шее на подушку. Как будто это происходило не со мной. Как будто я наблюдала за чужой жизнью через мутное стекло. Мысли металась, пытаюсь найти убежище, но нигде не находили опоры.

«Это не я... Это не моё тело... Это просто сон», – повторяла я про себя, но боль и липкость чужих рук безжалостно возвращали меня в реальность.

Жанна опустила руку между нами. Её горячее, прерывистое дыхание коснулось моей кожи. Пальцы вновь нашли мой клитор – лёгкие, почти невесомые касания, которые тут же сменились уверенными, быстрыми движениями. Ральф ускорился. Его дыхание стало тяжёлым, сбивчивым, а движения ещё более резкими, почти озверевшими. Чувствовала, как внутри нарастает волна ярости, отчаяния, бессилия. Я закричала не от удовольствия, а от агонии, потому что тело сдавалось, а душа сгорела дотла.

И тогда – второй оргазм.

На этот раз болезненный настолько, что во рту я почувствовала металлический привкус. Он разорвал меня изнутри, оставив после себя лишь пустоту и жгучий стыд. Звук моего крика повис в воздухе – короткий, пронзительный, как разбитое стекло, – и растворился в тишине комнаты.

Жанна улыбнулась. В её глазах не было триумфа, только спокойное удовлетворение, будто она завершила кропотливую работу. Ральф замер, тяжело дыша, его взгляд скользнул по моему лицу, холодный, оценивающий. Он вытащил член, кончил на меня сверху и лёг рядом. Просто. Обыденно.

Когда всё кончилось, они легли рядом, как счастливые влюблённые после первого свидания. Жанна утёрла мне слёзы, как мать, Ральф погладил по голове, как хозяин собаке. Она обняла меня сзади, прижала к себе, как будто я – их общая победа. А я лежала с открытыми глазами, чувствуя, как его вязкая сперма мерзко стекает по моим бёдрам, как её тошное дыхание обжигает шею, как внутри пусто, а всё тело разрывает от вспышек боли.

И в этот момент я поклялась себе: если кто-то ещё раз коснётся меня без моего согласия... Я убью его. Или себя. Но больше не позволю использовать себя...

#Глава 4

Каждый вдох резал лёгкие, как битое стекло. Голова раскалывалась на части не только от вина, а от осознания. От беспощадного, ослепляющего понимания того, что произошло этой ночью.

Я вышла из такси, как будто выходила из худшей версии ада – в саже, с душой, перепачканной чужими руками, и с памятью, которую хочется вырвать с мясом. Стоило опереться на стену дома, как в голове вспыхнуло дежавю: точно так же я держалась за нее вчера после кинотеатра. В голове появилась новая идея для подписи ролика в TikTok, если бы я сейчас упала носом в грязь:

«Шок-контент! Сбежавшая из Лиссабона архитекторша была замечена за сексом втроём и теперь на радостях не может найти аптеку!».

Каждый вдох – как глоток горячего стекла. Голова не раскалывается, а разваливается на куски, как бракованный макет виллы. А в животе не тошнота, а настоящая тоска по Элиану, потому что только он знает, как убить меня быстро, без мучений и без крови.

Как я могла?..

Я хотела быть «нормальной».

Ходить за краской. Смотреть артхаус. Пить вино в одиночестве. А стала шлюхой в постели пары, которая, судя по всему, мечтала об этом со времён моего первого провального поцелуя в школе.

Я шла, прижимая ладонь ко лбу, будто могла физически выдавить из мозга образ Жанны, лижущей меня между ног, и Ральфа, толкающегося во мне, пока я плакала от стыда и боли, а не от удовольствия, как они решили оба.

Это не секс. Это – пытка с участием зрителей. И самое унижительное? Я кончила. Два раза. От их «прикосновений». От их «власти». От их «заботы».

Пульсация в висках становилась всё острее, превращаясь в тупой, настойчивый колокол, бьющий изнутри.

Нужны таблетки. Вода. Тень. Тишина. И побыстрее.

Нужна юбая передышка от этих мерзких воспоминаний, которые липнут к коже, как промокшая, грязная одежда после урагана. Я пыталась сосредоточиться на звуках города: гуле машин, шагах прохожих, далёком лае собак. Пыталась вцепиться в эти звуки, как в спасательный трос, но они тонули в оглушительном эхе внутренних голосов.

Я свернула в переулок – узкий, тёмный, спасительно пустой. Прислонилась к холодной кирпичной стене, пытаюсь унять дрожь в коленях.

«Что дальше?» – спросила я себя. И не нашла ответа.

Только звук будто издевающихся голосов Жанны и Ральфа.

Только пульсирующая боль от их прикосновений по всему телу.

Только стыд, густой и тяжёлый, как свинцовое одеяло, накрывающее меня с головой.

Аптека была в двух кварталах. Два квартала, которые вдруг превратились в бесконечность. Я шла, цепляясь взглядом за трещины в асфальте, будто они могли дать мне ответ, подсказать путь к спасению.

Аптека – чистая, стерильная, как операционная, где меня ждали не таблетки, а палач. Я вошла, моргая от света, как вампир, случайно вышедший на солнце. Воздух пах антисептиком и мятой – резкий запах лекарств, который обычно успокаивает, но сейчас лишь усиливал тошноту. Подошла к полке с обезболивающими – ноги дрожали, руки – как у преступника перед расстрелом, сердце билось так, будто пыталось убежать от меня первым. Рука потянулась к «Ибупрофену» и вдруг замерла, будто наткнувшись на невидимую стену.

Потому что *он* стоял у прилавка.

Элиан.

В черном пальто, тёмно-серой рубашке, темных брюках. Каждая линия его тела – как произведение искусства, созданное не природой, а безжалостным скульптором: плечи, как у античной статуи, широкие, подчёркнутые напряжёнными мышцами; спина прямая, будто его позвоночник выточен из стали. Густые темные волосы чуть растрёпаны, будто он только что вышел из душа, но лицо, как мрамор, без единой эмоции.

Он не смотрел на меня. Но я чувствовала его взгляд, как нож, ведущий по коже за шеей, медленно, методично, оставляя невидимый след.

Глаза расширились в панике, и я развернулась, чтобы сбежать, вдруг он не заметил меня. – Алиса.

Голос низкий, резкий, без намёка на эмоции. Но в нём – приказ. Не просьба, не вопрос, а приказ, от которого ноги мгновенно остановились на месте. Я застыла. Не потому, что послушалась. А потому, что тело узнало его. И замерло в ожидании, как зверь, почуявший хищника.

Он подошёл. Медленно. Каждый шаг, как удар по моему самообладанию, как гвоздь, вбиваемый в крышку гроба моей иллюзорной свободы. Когда он остановился в полуметре, я подняла глаза и утонула в его взгляде. Лицо было без выражения, но глаза... Как утро после бойни. Серые. Холодные. Пустые. Убийственные. В них не было ни гнева, ни любопытства, только мрачная пустота, от которой внутри всё сжималось.

Он медленно провёл взглядом по моему телу: от растрёпанных волос до мятой белой рубашки, будто сканировал, искал следы, доказательства. Остановился на засосе – багровом пятне на шее, которое я тщетно пыталась скрыть под воротником куртки.

– Где ты была всю ночь? – спросил он. Голос бархатный, прям как поцелуй перед выстрелом.

Я нервно отвела взгляд.

– Дома... – Глупо. Фальшиво. Жалко. Слова вылетели сами, сухие и безжизненные. Я знала – он не поверит.

Элиан усмехнулся – не губами, а глазами. Только там, в глубине, мелькнула сталь. Тишина между нами стала осязаемой: плотной, тяжёлой, пропитанной невысказанными обвинениями и невыплаканными слезами. Я чувствовала, как пот стекает по спине, как сердце бьётся где-то в горле, мешая дышать. Как мне хотелось заплакать, но я держалась.

Он сделал шаг ближе. Теперь между нами было не больше ладони. Я уловила запах его одеколona – древесный, терпкий, тот самый, что преследовал меня в кошмарах и в мечтах.

– Посмотри на меня, – потребовал он, и в этом приказе не было места для отказа.

Элиан схватил меня за подбородок – не больно, но с той силой, из которой невозможно вырваться. Пальцы твёрдые, без дрожи, но в то же время аккуратные.

– Не ври мне.

Я попыталась вырваться, но он только усилил хватку. Не до боли. Но унижительно. Оглушительно унижительно. Как если бы меня, взрослую женщину, поймали за чем-то детским, постыдным, будто школьницу в момент кражи жвачки.

– Я... Я не твоя... собственность, и не... обязана отчитываться... – выдохнула судорожно, цепляясь за последние крохи гордости, за эту хрупкую, почти призрачную грань между «страхом» и «ненавистью».

Он почти усмехнулся. Почти. Но в этом «почти» было больше угрозы, чем в открытом гневе.

– Даже когда спишь с другими мужиками?

Я задохнулась.

Он знал.

Внутри всё оборвалось, скрутилось в тугий узел стыда и ярости.

Как? Когда? Почему именно сейчас?

– Жанна – клиентка «ERIS» в Берлине. Она любит почесать языком со всеми и обо всем, – произнёс он спокойно, буднично, как будто сообщал о погоде, о пробках на автобане, о скидке в супермаркете. – Сказала утром, что бывшая ее мужа так стонала, когда тот делал ей уже после всего куни. Что она шептала «ещё» перед тем, как кончить в третий раз почти подряд. И наверняка там было еще много детально описанных сцен, после каких он ублажал той девице между ног, только я не дослушал. И все бы ничего, если бы не твоё имя и фамилия, мелькающие в их нескончаемой болтовне.

Я покраснела до корней волос. Кровь прилила к лицу, к шее, к груди – будто меня облили кипятком в мороз. Я чувствовала, как горят уши, как дрожат губы, как предательски подкашиваются колени.

– Ты... ты подслушивал?... – прошептала я, и голос звучал жалко, надтреснуто, как стекло перед тем, как рассыпаться в пыль.

– Я не подслушивал, – ответил Элиан, но в его тоне не было оправдания. – Я давал тебе шанс одуматься, даже когда ты решила бежать из Лиссабона. – Пауза. Короткая, как удар ножа. – И ты им не воспользовалась, Морелли. Или, точнее, воспользовалась, только не тем и аж три чертовых раза подряд.

Он отпустил подбородок. И вдруг – резко, без предупреждения – взял меня за талию и перекинул через плечо, как мешок с мусором. Я даже вскрикнуть не успела – только почувствовала, как мир перевернулся, как пол ушёл из-под ног, как кровь прилила к голове и тошнота с новой силой подкатила к горлу.

Я повисла, беспомощная, с бьющимся сердцем, с мыслями, разлетающимися вдребезги. Руки болтались, ноги безвольно свисали, а лицо пылало от стыда, от гнева, от той новости, что он видел меня насквозь. Элиан знал всё, что происходило этой адской ночью...

То, чего просил мой пьяный рот, даже не помню я сама. Отключилась после финала бывшего на свои бедра. Но, видимо, не до конца...

– Пусти! – бросила я, изо всех сил пытаясь ударить его.

Но Элиан сжал свою руку на моем бедре так, что я взвизгнула. Резкое, почти электрическое прикосновение пробило тело насквозь. Внутри всё сжалось от того, насколько близко находился мой зад к его лицу.

– Я больше не ваша! Договор закончился! – завывала я, стуча кулаками по его спине. Удары выходили слабыми, жалкими, как у ребёнка, который просто бьётся в истерике.

– Молчи, – приказал он, и в его голосе прозвучала такая сталь, что по спине пробежал холодок. – Или я устрою тебе сцену прямо здесь.

Элиан вышел из аптеки. Уличный свет ударил по глазам, ослепляя, выжигая последние остатки самообладания. Люди оборачивались: кто-то с любопытством, кто-то с ухмылкой, кто-то делал вид, что не видит. А я висела на его плече, как трофей. Позорный. Преданный. И помятый судьбой.

Парень открыл дверь чёрного легкового «Mercedes» у обочины, и металл холодно блеснул, щёлкнул замок. Он посадил меня на заднее сиденье так легко, будто я ничего не весила. Я попыталась выбраться, но он захлопнул дверь, обогнул машину, сел за руль и заблокировал замки. Звук защелкнувшихся механизмов прозвучал как приговор.

– Куда ты меня везёшь?! – вскрикнула я, чувствуя, как голос дрожит от ярости и бессилия.

Он завёл двигатель. Мотор зарычал, как живой хищник.

– В твой новый дом.

– Я не поеду с тобой!

– Ты уже в моей машине.

– Я все равно сбегу!

Он повернулся. Взглянул на меня, но промолчал. И впервые в его глазах мелькнула боль. Короткая, почти незаметная, но она была. Как трещина в ледяной глыбе.

Машина тронулась. Я сидела, прижавшись к двери, сжимая колени так сильно, что пальцы побелели. Тело всё ещё пахло Ральфом – его потом, его кожей, его властностью. Но душа – душа пахла Элианом. Этим холодным, беспощадным... единственным, чёрт побери.

Через полчаса мы остановились у трехэтажного особняка на окраине Берлина. Он был построен так, будто архитектор вложил в него не идею пространства, а пыточную пустоту. Настоящее логово монстра...

Он вывел меня из машины за руку. Не грубо, но железно. Так, что любое сопротивление становилось бессмысленным.

Внутри прохлада, минимализм. Стекло от пола до потолка, бетон голый, без отделки, лестницы узкие, как шахты колодца. Нигде не было ни картины, ни книги, ни даже снимка. Только над камином – мраморный алтарь из «ERIS», запечатлённый в чёрно-белой фотографии. Точно издевательское напоминание: *«Ты не ушла. Ты только переехала».*

– Ты больше не выйдешь, раз не умеешь выбирать правильно.

– Я не твоя собственность, – повторила я, пытаюсь найти в себе хоть каплю прежней ярости.

Он подошёл вплотную. Всё ещё не касаясь. Но его близость была ощутимее любых прикосновений.

– Ты думала, я отпущу тебя к «нормальной жизни» после окончания договора?

– Да!

– Это был риторический вопрос, и ответ на него не требуется. Но ты ошибалась. Нормальность – это тюрьма для таких, как ты. Или тебе понравилось экспериментировать с другими?

Я вспыхнула от злости. От того, что он считает изнасилование экспериментом. Слова вырвались сами, обжигающие, как кислота, вместе с необдуманной пощечиной:

– Я не нужна тебе! Ты хочешь доказать отцу, что ты лучше него, ведь твое эго и самооценка видны даже из космоса! Что я стану заменой своей матери на вашем чертовом алтаре!

Он впервые замер. Даже не шелохнулся от моего удара, когда я боялась, что мне прилетит в ответ.

Тишина повисла между нами, тяжёлая, как фиолетовое небо перед бурей. Потом – тихо, почти шёпотом:

– Ты – мой вызов самому себе. Твоя мать здесь ни при чём.

И тогда он повернулся и ушёл.

Что это значило, я без понятия...

#Глава 5

Я стояла в холле первого этажа, дрожа всем телом от позора и злости. Как будто я не специалист с красным дипломом архитектора, а потерянный чемодан в аэропорту, который он наконец вернул себе. Даже не сказал «привет». Просто: *«Ты больше не выйдешь»*.

Внутри всё кипело. Кровь стучала в висках, руки сжимались в кулаки, а в горле стоял ком не слёз, а чистой, необузданной ярости. Я не собиралась молчать. Не теперь. Не с ним.

Я прошла на кухню – просторную, чистую, одинокую. Ни намёка на жизнь, ни крошки тепла. Только безупречный порядок в серых тонах, только холодные поверхности камня, только гробовая тишина. На мраморной барной стойке стоял графин с красным вином. Моё вино. Вернее, то, что я пила в кино. То, от которого, как мне казалось, ещё пахло его одеколоном.

Я вылила вино в бокал, выпила одним глотком для храбрости. Из надежды, что алкоголь сожжёт внутри всё, что дрожит и жаждет этого дьявола. С алкоголем было легче пережить все моменты, что так и подталкивали к самоуничтожению. Жидкость лишь обожгла горло, разлилась по пищеводу, как жидкий металл, но гнев не заглушила. Не успокоила. Наоборот, подпитала его, дала силы для нового бунта.

– Ты не имеешь права меня похищать! – выкрикнула я, держа бокал обеими руками. Пальцы дрожали, но хватка была железной. – Я не твой чертов эксперимент! Я не подписывала больше ничего! Выпусти меня!

Элиан сидел в кресле у камина, с низким бокалом в руке, глядя в огонь. Не обернулся. Не ответил. Только пальцы сжали бокал чуть крепче – едва заметное движение, но я его уловила.

«О, ты играешь в спокойствие? Отлично. Давай посмотрим, как долго ты выдержишься».

Я выпила еще бокал вина почти одним глотком. Вылила ещё. И ещё. Иначе моей уверенности вряд ли хватило бы для сопротивления ему. Алкоголь не был бегством, он был топливом. Топливом для последней попытки доказать, что он выбрал плохой вариант для своего секс-эксперимента, как и ублюбок бывший.

Но, кажется, терпение лопнуло.

– Ответь мне! – заорала я до хрипа, швыряя бокал об пол. Стекло разлетелось на осколки, как мой самоконтроль. – Ты не бог! Не судья! Не хозяин вселенной! Ты обычный психопат! И у меня есть право сказать «нет», а твое дело – принять его!

Он встал. Медленно. Без спешки. Подошёл ко мне, как к ребёнку, который только что сломал игрушку, думая, что это сделает мир справедливым. Его взгляд скользнул по моему лицу, по дрожащим рукам, по разбитому бокалу у ног.

– Ты хочешь право? – спросил он тихо, почти шёпотом, от которого по спине пробежал холодок. – Держи.

Элиан тут же подвёл меня к окну, указал на сад – тёмный, таинственный, с извилистыми дорожками и густыми кустами.

– Беги.

– Что? – я моргнула, не веря. В голове зазвучали тревожные звончки: это ловушка. Это игра. Не поддавайся.

– Я не держу тебя силой, здесь остаются добровольно. Ты можешь уйти. Сейчас.

Я посмотрела на него – в глазах не было издёвки. Только абсолютная странная уверенность, от которой внутри всё сжалось.

Он добавил:

– Если найдёшь выход из этого дома – ты свободна. Навсегда.

– А если нет? – прошептала я, чувствуя, как сердце колотится о рёбра, уже зная ответ.

– Ты останешься здесь и перестанешь наконец уничтожать мою винтажную коллекцию, которая старше тебя в три раза.

И тогда во мне вспыхнул вызов.

«Он действительно думает, что я не найду дверь? Пусть попробует остановить».

– Ты думаешь, я не найду дверь? – спросила я уже вслух, вскинув бровь.

– Я думаю, ты даже не найдёшь лестницу к ней, – самодовольно хмыкнул он.

Элиан отошёл. Сел обратно в кресло. Взял свой бокал, сделал глоток, будто всё это – просто развлечение, спектакль, который он поставил ради собственного удовольствия. Я бросила на него последний взгляд, полный ненависти, злости, боли, и побежала.

Ноги несли меня по коридорам, руки толкали двери, глаза искали выход. Каждая комната, как копия предыдущей: минимализм, стекло, бетон, ни одной подсказки. Я забежала в некоторые двери, что были не заперты. В библиотеке высокие шкафы, тысячи книг, но ни одного окна. В гостиной та же серая пустота. В столовой огромный пустой стол, широкие кресла и ни души.

Где дверь? Где лестница к выходу? Где хоть что-то, что выведет меня отсюда? Как мы вообще заходили?

Я остановилась, тяжело дыша, прижалась спиной к стене. Сердце колотилось в ушах, в груди, в кончиках пальцев.

Он знал. Чёрт побери, он всё знал!

Особняк был лабиринтом – безжалостным, продуманным, выверенным до последнего угла.

Его лабиринтом... И я уже проиграла.

Все коридоры на вид одинаковые, безликие. Тишина, от которой звенит в ушах. Почти все двери без ручек, без табличек, только холодные сенсоры, которые не реагировали на мои ладони, будто я была призраком, недостойным входа. Появились узкие лестницы, извилистые, ведущие то вверх, то вниз, то будто в никуда, словно нарочно созданные, чтобы запутать, лишить ориентиров.

Я бежала. Голова кружилась не от вина даже, а от этого бесконечного повторения: дверь, коридор, поворот, снова дверь. Ноги подкашивались, мышцы горели, лёгкие разрывались от нехватки воздуха. Вино, похмелье, эмоции, боль – всё слилось в один сплошной шум в ушах, в гул, заглушающий здравые мысли.

– Это не дом! Это тюрьма! – крикнула я в пустоту, топнув ногой со злости, но стены не ответили. Только эхо моего голоса, жалкое, надтреснутое, вернулось ко мне, как насмешка.

Я пыталась открыть двери – они не поддавались. Ни одна. Ни единым щелчком. Окна, что были выше двух метров точно, – глухие, без форточек, без намёка на свободу. Стекло толстое, тонированное, непробиваемое, отражающее моё искажённое, отчаянное лицо.

Через пятнадцать минут поняла: я и вовсе заблудилась.

Сердце колотилось так, что, казалось, готово было вырваться из груди. Дыхание сбилось, превратилось в короткие, рваные всхлипы. В глазах мелькали чёрные пятна, то расширяясь, то сужаясь, как будто мир вокруг пульсировал в такт моему неукротимому пульсу.

Решила спрятаться. Подождать, пока он уснёт. А потом найти выход. Обязательно найти. Потому что иначе... Иначе было нельзя. Зашла в первую попавшуюся открытую дверь. Похожа на комнату для прислуги. Маленькая, тёмная, с низким потолком. Узкая кровать, ведро в углу, полка с чистящими средствами. Пахло хлором и мылом – резкий, стерильный запах, от которого защипало в носу.

Я присела на корточки у стены, прижалась спиной к холодной поверхности, обхватила колени руками. Сердце билось так громко, что, казалось, он услышит его даже через несколько этажей.

Зажмурилась, пытаюсь унять дрожь, шепча себе:

– Тише... тише...

Убирая волосы со лба, рукой что-то смахнула с полки. Стекло разбилось с пронзительным звоном прямо передо мной. Жидкость хлынула на пол, растекаясь липким, скользким пятном. Я вскрикнула, пытаюсь удержать равновесие, но нога уже подвернулась, и я упала прямо на обломки. Острая боль пронзила ладонь. Я застонала, сжимая кулак, но было уже поздно – по руке пошла горячая алая струйка.

Через секунду – свет.

Элиан стоял в дверном проёме. Смотрел на меня, лежащую в луже моющего средства, в беспорядке, в унижении. Не кричал. Не ругался. Просто смотрел.

– Глупо, – вздохнул парень. – Очень глупо.

Он собрался поднять меня, но я вжалась в стену так, будто собиралась стать ее частью.

– Ты уже наказана дважды, – процедил он, и голос его был холоднее этих забытых богом стен. – Не заставляй это быть третьим.

Элиан все же поднял меня на руки, как подбитую лань, когда я перестала сопротивляться, и отнёс в гостевую. Я сидела на шелковых простынях на кровати, дрожа от бури эмоций и с кровью, стекающей по запястью. Он молча открыл шкаф у двери, достал аптечку – чёрную, с серебряным крестом, как в больнице.

– Не двигайся, – приказал он, но в голосе не гнев, а усталость.

Он промыл рану, удалил осколки пинцетом, обработал йодом. Каждое движение точное, аккуратное, почти нежное, как будто боялся причинить боль, хотя его прикосновения в клубе ломали меня до души безвозвратно.

– Почему ты это делаешь?.. – прошептала я, едва сдерживая слёзы от боли.

– Потому что ты нужна мне, – ответил он буднично, не глядя на меня, – и я не позволю тебе убить себя, пытаюсь убежать.

Элиан перевязал ладонь белым бинтом, туго, но без боли. Потом поставил на тумбочку бутылку воды и таблетки от боли.

– Отдыхай.

– Ты... отпустишь меня?.. – слова вырвались сами собой.

Он замер возле двери. Потом почти шёпотом, что я едва ли услышала его слова:

– Я не могу этого сделать, даже если бы хотел.

Он вышел, а я осталась одна – с перевязанной рукой, с бьющимся сердцем и с мыслью, которая пугала сильнее боли:

Что случится, если мне не захочется уходить?..

#Глава 6

Что случится, если тебя похитит психопат, похожий на модель из рекламы Versace?

Теоретически – ты должна дрожать, молить о пощаде и строить планы побега из вентиляционной шахты.

Практически – ты сидишь в трёхэтажном особняке со всеми удобствами, неограниченным кофе и служанками, которые убегают от тебя, как от чумы.

Вообще, я всегда думала, что если красивый душевнобольной похитит меня, то это будет драма в стиле фанфиков по «Драмионе»: он будет меня провоцировать, я – его. Он – злой, я – дерзкая. Мы враги, но между нами искры. А потом внезапный поцелуй под дождём, и он шепчет слова, от которых хочется отдаться в ту же секунду: *«Ты моя, только моя»*.

Ага, как же.

На деле уже три дня. Три дня, как он перевязал мою руку (раньше бы подумала, что забота и власть – это два разных человека, а оказывается, один и тот же, просто в разных фазах луны), и... исчез. Ис-чез. Будто я не пленница для его секс-эксперимента, а уже разонравившаяся доставка с «Ozon», которую он передумал забирать и просто ждет, когда ее отправят обратно.

И вот я тут – не в клетке, а в роскошном аду, где даже кофе готовят с учётом моего настроения. Все едят. Пьют. Работают. Улыбаются. Только не мне. Я – невидимка со статусом «опасно трогать».

Попробовала вчера все же заговорить со служанкой, добавив чуть юмора, чтоб разрядить обстановку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.